

Игорь Шестков "Наваждение"

НАВАЖДЕНИЕ

(рассказ таксиста)

Уральский регион... да, место непростое. Некоторые говорят — проклятое. Якобы из-за убитого царя. Хотя там не только царя с семьей... многих покروшили. И не только красные. Ты меня правильно пойми — люди на Урале разные, не то, чтобы все бандиты или воры, нет, просто древние какие-то люди. Троглодиты. Как жили пять тысяч лет назад — так и при Брежнев... а все эти штучки — телевизоры, запорожцы с жигулями, компьютеры — это все на поверхности, а внутри, как была, так и осталась — берлога.

Поехал я однажды по телефонному вызову в Кардайкурдюмово. Деревня сразу за границей города. Татары там или башкиры живут — хрен их разберет.

Подъезжаю к дому. На дороге стоят трое чурок. Поперек себя шире, морды самоварами, кулаки — как у быков. Угрюмые. И у всех под пальто или топоры или стволы. Батюшки-святы! Все трое сзади сели. Завоняло в салоне сразу перегаром и лучищем. Самый быкастый сказал: Поезжай в Котлы, Полежаева четыре!

Голос — как у медведя.

Не люблю чурок возить! Каждый раз не знаешь, что от них ожидать. Могут нормально расплатиться, а могут и топором по темечку. И не со зла, а... вроде так и надо.

Котлы эти на другой стороне города, поселение шахтеров, главная улица, Пролетарская кажется, километра три тянется вдоль карьера. Полежаева там вроде переулочек, домов десять всего. Нашел на карте. Приехали.

Ландшафт — прям как у Левитана. Слева — ворота закрытые, забор, колючка, за забором котельная. Труба метров двадцать высотой, дымок вьется, несколько фабричных строений. Черные почти от угольной пыли. Справа — барак деревянный, длинный. Может, там рабочие живут или зеки на вольном поселении. Здесь этого добра навалом.

Ёкнуло сердце. Тут меня запросто грохнуть могут. Или чурки или их дружки.

Сколько раз пропадали в Петяринске таксисты! Сунул руку под сиденье — у меня там железный прут граненый, килограмма полтора весом... положил тихонько прут на колени. Напрягся, приготовился крушить мордovorотов по сморкалам. Жду.

Ничего. Все три быка вышли из машины, стоят, между собой что-то по-ихнему обсуждают. Я сижу на своем месте, газету вынул... читаю мол... ведь тут правило простое, как с собаками и лошадьми — не смотреть в глаза их лупые... не провоцировать.

Тот, быкастый подошел к моему окну и сказал: Ея, водила. У нас тут дело. Подожди, в накладе не будешь. В Кардай отвезешь, зеленый билет получишь. Я кивнул. «Зеленый билет» это пятидесятирублевка. На счетчике у меня двенадцать. Значит чаевые будут — двадцать пять. В семидесятые — это были еще хорошие деньги.

Чурки мои пошли в барак. Я жду.

Как-то быстро темно стало. Один фонарь загорелся, метрах в десяти от меня. Видно было, как в конусе света снежинки летали... как белые бабочки... Я на них смотрел-смотрел и кемарить начал. Но спать нельзя. Вышел из волги, поприседал, попрыгал.

С полчаса уже прошло. На счетчике — семнадцать с копейками. Пора действовать. Или уезжать — тогда холостого пробега на тридцатку наверх. Или идти в барак разбираться.

За смену такое, чтобы не платили, раза два-три бывало... Обычно припугнешь милицией — платят. Иногда убегают через задний двор.

Каждый раз решаю по обстоятельствам... знаешь, когда опасно, я стараюсь думать не головой, а задницей. Так вернее. Ну так вот, жопа моя мне тогда на Полежаева твердила: Уезжай, пока цел. Дуй на вокзал, там московский поезд, через час прибытие, посадишь сдобную бабенку или какого-нибудь барыгу... А жадная голова противоречила: Московская краля тебе не даст, и не надейся, а с барыги больше рублика чаевых не получишь... а чурки твои четвертак обещали.

Еще ждал минут десять, потом отъехал немножко назад, чтобы машину в тени спрятать, прут в специальный внутренний карман положил, куртку расстегнул,

чтобы легко его вынуть можно было. Мотор отключил, ключ забрал, проверил, как лежит кастет в бардачке... переднюю дверь у волги оставил чуток приоткрытой. И пошел в барак... постучал.

Жопа моя в это время вопила фальцетом: Не ходи туда, пропадешь... там плохо!

А голова советовала солидным басом: Извинись у мужиков за вторжение, попроси расплатиться, получи бабки и уезжай с богом. Там ведь люди, а не аллигаторы. Вежливый язык понимают.

Никто мне не открыл... я толкнул дверь... вошел.

В бараке, разделенном вроде как плацкартный вагон на купе, было густо накурено, воняло старой одеждой. В сизом полумраке трудно было что-то разобрать. Пошел по проходу справа вдоль барака. В первом купе два мужика спали на нарах под ужасными одеялами. Храпели как мастодонты. На столе стояли несколько пустых бутылок, на грязных тарелках — остатки еды. Во втором купе никто не спал, там на месте стола возвышался самогонный аппарат... круглосуточно работал наверное... из краника сочилась синеватая жидкость... и стекала по кухонной доске в ведро. На стенке ведра висел черпак, вместимостью грамм в двести. Жуткая беззубая женщина лизала длинным фиолетовым языком эту гадкую доску. На мое появление она никак не прореагировала. В пятом купе я обнаружил еще одну синюху... косоглазую... она держала в руках свои пустые отвисшие груди и стучала ими по столу как ложками. Посмотрела на меня, открыла свой черный рот и сунула в него нечистый большой палец. Засосала и вынула с хлопком. Меня чуть не вырвало... поспешил дальше. Видел еще несколько мертвецки пьяных.

Но никаких следов моих чурок не обнаружил.

Пришлось спросить ту, косоглазую.

— Я таксист, тут где-то мои пассажиры. Три мужика. Башкиры или татары. Вы не видели?

Косоглазая посмотрела на меня так, что у меня зачесались бока и шея, и прошепелявила: Ты что, мусор, бля?

— Я таксист. Мне пассажиры не заплатили.

— Иди нах.

Надо было наверное уйти, но я упорный. Меня дома семья ждет. Людка и три

спиногрыза. Их кормить надо. Не позволю я так просто меня кидать.

Достал свой прут и несильно ударил им синюху по ноге. Та взвыла и ткнула пальцем куда-то в сторону. Там оказывается была еще одна дверь. Не на улицу. У барака было ответвление. Я прошел по узкому коридору... до еще одной двери, металлической. Как в тюрьме, с окошечком. Постучал. Окошечко открылось, кто-то посмотрел на меня и спросил: Тебе чего тут надо?

Я повторил то, что сказал косоглазой.

Тяжелый засов открылся с невыносимым клацаньем. Меня впустили. В похожей на внутренность юрты, круглой комнате, за карточным столом сидели трое мужчин. Но не мои чурки, и не алкаши из барака, а совсем другие люди.

Блатари.

Паханом там был, кажется, плотный, невысокий, чернявый тип. С бородкой. Он держался с достоинством, как бы брезгливо отстраненно. Двое других были явно рангом пониже — зловещий худой старичок с лишаем на лице и тощий гигант с косматыми руками, постоянно сжимающий и разжимающий свои огромные кулаки. Лицо его перерезал длинный шрам со следами швов.

Пахан долго и тяжело смотрел на меня. Затем спросил: Зачем пришел?

Он говорил с легким грузинским акцентом.

Я был вынужден в третий раз повторить, зачем. Но пахана это, по-видимому не убедило. Он сделал глазами знак гиганту, и тот встал, развязно подошел ко мне и пробурчал: Гребала в стороны... И не дергайся, чушок, щекотить не буду.

Моя голова едва доставала ему до груди. Обыскал меня, забрал прут, удостоверение и кошелек и почтительно положил все это перед паханом на стол. Тот покрутил в руках прут, покачал головой, раскрыл и тут же закрыл кошелек, в котором было тогда рублей двести, посмотрел на удостоверение и подтвердил удивленно: Действительно, таксист.

Потом вздохнул, посмотрел на меня, как наверное смотрят на вошь, перед тем, как ее раздавить, и сделал рукой знак гиганту и старичку. Гигант не без удовольствия и очень сильно ударил меня в глаз, а старичок врезал по скуле так, что искры засверкали перед глазами.

Пахан прервал избиение: Довольно... Так ты ищешь своих пассажиров, которые тебе не заплатили... Тут, у меня? Ха-ха-ха...

По сравнению с его смехом, смех Фантомаса показался бы арией счастливого Фигаро.

Железный смех, шелест цинковых листьев, хруст ломающегося гроба.

Сизарь, — приказал он старичку, — предъяви таксисту его пассажиров!

На гнилом лице старичка показалось нечто вроде улыбки, ему было приятно то, что ему, а не конкурирующему с ним гиганту, хозяин поручил показать мне пикантную картинку. Старичок ласково поманил меня пальцем, взял за шкурку и пинками подвел к двери, ведущей в какой-то сарай... втолкнул меня туда и оставил там на некоторое время одного. В сарае было темно, но еще темнее стало у меня на душе, когда я понял, что это было за помещение. Это была камера пыток. Подробности я опушу, не хочу тебя расстраивать... Со всеми, как говорят твои новые сограждане, пи-па-по. Тела моих пассажиров висели на стальных крючьях, а их головы покоились отдельно — на полке. На трех маленьких колышках. Почему-то они улыбались...

Кроме них в этом страшном сарае я насчитал еще пару дюжин мертвецов.

Может быть, их было и больше. Когда лишний старичок вел меня назад в круглую комнату, я не мог унять дрожь в коленях. Меня посадили на стул напротив пахана. Трое злодеев явно наслаждались эффектом, произведенным на меня сценой в сарае.

— Ну что же, товарищ таксист, вы, кажется уже поняли, в какую беду попали.

Выход для вас отсюда один — повиснуть там, где уже висят ваши пассажиры, и от вас будет зависеть, долго ли вы будете мучиться. Вероятно, вам будет интересно узнать, зачем сюда приезжали эти глупые толстомордые люди с топорами. Я не буду делать из этого тайны — они не хотели отдать мне картонный долг. Желали расплатиться иначе. И расплатились.

Голос пахана все еще напоминал шелест цинковых листьев, несмотря на старание снабдить его интеллигентским шармом. Грузинский акцент придавал его сарказму дополнительный градус язвительности... Слушать его было тяжело. Я решил попытаться использовать последний шанс на спасение. Схватил прут со стола и как мог сильно ударил им сидящего рядом гиганта. По роже. Гигант захрипел и повалился на пол. В тот же момент Сизарь выстрелил в меня из пистолета и попал в лоб... вышиб мозги, убил, наповал. В кровавых струях

увидел я злобную морду пахана и успел услышать: Тащи его в яму. Да отпили ему башку для коллекции.

А потом как будто что-то переключилось, и другой голос сказал: Ея, водила, заснул что ли? Вези нас в Кардай!

Батюшки-святы! Я проснулся. Чурки мои уже сидели на заднем сиденьи. В руках у них были какие-то кульки. Снежные бабочки все падали и падали в желтом свете фонаря. В салоне почему-то нестерпимо пахло пирожками с мясом. Быкастый открыл один кулек, вынул из него и подал мне свежеиспеченный беляш и сказал: На, попробуй, теща испекла. День рождения праздновать будем.